

ЭТОТ ВЕЩИЙ БОЖ

ЕЛЕНА
УШАКОВА

ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Елена Константиновна Ушакова

ЭТОТ ВЕЩИЙ СОН

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41256991

ISBN 9785449640086

Аннотация

Младенец помнит мельчайшие подробности своей прошлой жизни. Но по мере того, как он учится говорить, его и без того уже отрывочные воспоминания оказываются на грани исчезновения. Почти все маленькие дети пытаются успеть рассказать родителям о своей предыдущей жизни, но взрослые не воспринимают рассказы своих детей всерьез, и ребенок вскоре напрочь стирает из памяти события жизни до своего рождения, тем самым лишая нас ценных знаний о бесконечном круговороте нашего загадочного существования...

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	58

ЭТОТ ВЕЩЬИЙ СОН

Елена Константиновна Ушакова

Иллюстратор Эльшан Гурбанов

Сайт автора <http://taro-life.ru/>

© Елена Константиновна Ушакова, 2019

© Эльшан Гурбанов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-4008-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И снится мне сон в Вальпургиеву ночь...

Русская деревня в обрамлении родной русской природы.

Застывшая деревенская картина. Красивая, но... мертвая.

Красота эта не радует, настораживает: людей нет... птиц нет... никого нет... Даже звуков не слышно. Кажется, все вымерло...

На душе гадко. Во рту мерзкий привкус. Иду по раскаленной солнцем улице вдоль обшарпанного вылинявшего забора, когда-то выкрашенного в голубую краску. Летний зной...

Палящее солнце в зените, забор не отбрасывает желанную и спасительную тень.

Ощущение безумной усталости... Но мне надо идти. Надо! Мне необходимо найти кого-то родного и близкого... Я ищу дом. Да, точно знаю, что я должна найти чей-то дом. В поисках я прохожу сначала одну деревню, потом другую, третью... Ноги гудят. Не зная, куда идти, я уверена в правильности выбранного пути. Ощущаю себя ведомой.

Хочется пить. И есть. А еще – выть... В чужом саду, скрытым за выцветшим забором неподвижно висят сочные вишни. Они манят своей спелостью, переливаясь на солнце всеми оттенками рубинового цвета – от светлого до темного, почти черного... Рука невольно тянется к ветке. Нельзя! Но очень хочется... Наперекор своей совести срываю вишню. Зрелая... Держа двумя пальцами ягоду, поднимаю руку к солнцу, люблю сорванным плодом, который даже не подозревает о своем последнем мгновении бытия. Косточка, едва уловимая сквозь мякоть – это все, что сохранится на долгие-долгие годы... Кладу запретный плод в рот и медленно... смакую его... во сне, ощущая вкус наяву. Утолив и голод, и жажду одной вишенкой, продолжаю свой путь...

Ноги гудят от бесконечного изнурительного хождения. Этой изматывающей дороге, кажется, нет конца. Хочется рухнуть на землю и больше никогда не вставать. Но надо идти.

Ни дуновения ветерка... Душно... Смертельно душно...

Воздуха нет. Есть только запах... Он давит со всех сторон – этот безжизненный тяжелый запах, напоминание о том, что в каждое мгновение возможна смерть... Я всегда безошибочно определяю тех людей, в семье которых кто-то умер. От них исходит именно он – затхлый запах смерти...

Утомленная долгой дорогой под палящим солнцем, отравленная смертоносным запахом, вконец обессилевшая, я едва ковыляю, несу свое разбитое тело к виднеющейся вдали у леса деревянной русской избе, выкрашенной все в тот же ледящий душу голубой цвет. «Очевидно, в сельпо завезли только эту краску, которой хватило на всю округу», – проносится в голове. Подхожу к дому. Ворот нет. Вместо забора – огромная лужа, надежно преграждающая путь ко входу. Лужа, как из далекого детства моего: даже в центре все те же два кирпичика, по которым, если очень постараться, можно пробраться к порогу, не намочив ноги.

Нет никаких сомнений, что именно этот дом я искала и что именно его хозяин для чего-то мне нужен. Для чего – не знаю. Возможно, я шла на телепатический зов, посланный высшей сущностью или еще кем-то? Как бы то ни было, я уверена: это очень нужно и очень важно.

Усталость валит с ног. С трудом волоча отяжелевшие ступни, я пытаюсь встать на кирпич. Он шатается... Балансируя, пробую поставить вторую ногу на другой кирпич... И тут же от неожиданности соскальзываю в лужу: на пороге появляется выходец с того света.

В одежде дымчатого цвета, с ничего не выражающим лицом, с холодным безжизненным взглядом, как страж, охраняющий потаенные врата в мир иной... Это – фигура моей покойной бабушки, матери отца, вышедшей ко мне из преисподней. Я делаю шаг навстречу. Мгновение, и она, испепелив меня взглядом, преграждает проход в дом. Я каменею. Язык мой немеет, не позволяя вымолвить ни слова. Вид у нее недоброжелательный, она не приглашает войти. Наоборот: безжалостно, без слов прогоняет прочь! Не напоив даже чаем, не дав отдохнуть с дороги, выпроваживает меня!

Омывая лицо слезами, стою, обиженная и униженная, по щиколотки в луже. Но она отказывает в моей немой просьбе своим свирепым взглядом. И я медленно разворачиваюсь, с трудом бреду к выходу со двора. Неожиданно она меня окликает. Вмиг позабыв про усталость, я радостно возвращаюсь, быстро шлепая по луже, которую буквально пару минут назад тщетно пыталась преодолеть. Но бабушка, если так можно назвать этот безжизненный силуэт, лишь вручает мне своими бледными ледяными руками сверток со словами «Старшему пригодится».

Уставшая, голодная – никакая! – медленно ухожу в... реальность.

Проснувшись, ощущаю вкус спелой вишни во рту, мышцы болят, как после изнурительной тренировки. Накануне не было никакой физической нагрузки на ноги. А они-таки ноют... С усилием встаю с постели... Состояние разбитое,

будто чугунные ноги не хотят идти... Вспоминаю, что мне сказала бабушка... Ах, да! «Старшему пригодится». Что пригодится? В комнате на прикроватной тумбочке лежит тот самый сверток, который бабушка передала во сне... Разворачиваю его. Там – белая косоворотка...

По преданиям сны, привидевшиеся в Вальпургиеву ночь, когда настезь открываются врата в другой мир, считаются вещими, позволяющими пообщаться с ушедшими навеки... Вот я и пообщалась... молча. Даже не пытаюсь понять, каким образом сверток очутился в моей комнате.

Ответ один: Вальпургиева ночь. Мистическая, окутанная своими вековыми тайнами... Другого варианта попросту нет и быть не может. Ответа на вопрос: «Какому старшему? Кому предназначена рубаха?» – ждать пришлось недолго. Вскоре все прояснилось...

Глава 1

*Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела...*
Гёте. «Фауст»

На одной из самых тихих улиц города Харькова обитал неприметный маленький домик, каких в то время в нашей необъятной стране по имени Советский Союз было очень много.

Домик гордился тем, что возвышался над маленькими молодыми березками и топольками, посаженными на коммунистических субботниках, и мог по-отцовски наблюдать за их ростом и строгим взглядом блестящих окон оберегать их от нападок шкодных мальчишек. Но шли годы, маленькие тоненькие березки превратились в прекрасные женственные березы, а топольки – в высокие стройные тополя. Домик долго и безуспешно сопротивлялся кардинальной перемене своего статуса, но потом, отбросив амбиции, наконец-то сдался и, невольно покоровшись своей судьбе, позволил окутать себя мягкой ажурной тенью, заботливо сплетенной его родными повзрослевшими деревьями, теперь уже возвышающимися-

ся над ним. Смирившись со своей участью, он днями и ночами предавался счастливым воспоминаниям о прошлом: чаще всего перед ним возникал образ очаровательной маленькой девочки. Это был нежный ангел с фарфоровым личиком, длинными каштановыми волосами, звонким счастливым смехом. Не было ни одного человека, кто бы остался равнодушным к этой девчушке, которая буквально затмила всю округу своей необыкновенной красотой.

Но это была далеко не кукла – смышленная девочка, развитая не по годам, общалась со взрослыми на любую тему на их взрослом языке. Счастливый неунывающий ребенок, которому природа дала все: и красоту, и ум, и здоровье. Можно было позавидовать этому дару, но окружающие лишь искренне восхищались им.

Незаметно пролетело время детства, и нежное очарование превратилось в прекрасную сексуальную девушку. Рано почувствовав себя оперившейся, она, захватив из детства легкое беззаботное отношение к жизни, чистые мечты и обворожительную улыбку, без промедления вылетела из родительского гнезда и стремительно ворвалась во взрослую жизнь с целью покорить ее. «Смело!» – скажете вы? Возможно, но она-то знала, что она не одна...

И все эти слова – обо мне... Да! Никто никогда не догадывался, что под милой ангельской наружностью скрываюсь еще одна Я или что во мне живет НЕКТО! Тот, кто од-

нажды сладким шепотком позвал меня, раскрывая на ушко великую тайну мира, и вся моя суть неожиданно для меня вдруг откликнулась на его зов, позволив против моей же воли поселиться во мне. Но теперь, находясь в объятьях моего дьявола (а это, несомненно, он), сроднившись с ним, я испытываю чувство невыразимого блаженства от осознания своей исключительности. Его незримое присутствие повлекло таинственные перемены в моей жизни: с тех самых пор, как я ощутила в себе алмазный стержень, придающий мне силу, уверенность и смелость, за мной тянется шлейф побед и удач во всех моих начинаниях; с тех самых пор, как я предоставила ему приют, я живу как у Христа за пазухой (ха-ха), и сверхъестественная сила оберегает меня...

Но зато я уже не всегда Я...

Он часто дремлет, и тогда я – ангел. В период его бодрствования я – бес! Пробравшись в мой внутренний мир, он стал моим хозяином, нагло занявшим мое законное место и задвинувшим меня истинную в самый дальний угол моей души. Он властвует в моем обличье, замыкая мои уста, он заставляет меня быть самодовольной и наглой, горланить фривольные песни его омерзительным голосом, читать непристойные стихи и рассказывать пошлые анекдоты, танцевать бешеные танцы, обнажая себя. Отчетливо понимая, что это – расплата за мой успех, за безупречное совершенство моего тела, я безоговорочно принимаю правила его игры. И такая несвобода – это итог моего свободного выбора, за которым

скрывается трезвый расчет.

Тем не менее я себе нравлюсь. Но больше всего на свете я люблю нравиться окружающим. Это эгоистическое желание – нравиться и побеждать – живет во мне с самого раннего детства и по сей день. Людей, подобных мне, в своей жизни я не встречала. Наверное, потому, что их и нет: я молодая и, по мнению окружающих, не просто красива, а небесно прекрасна – и с этим я не могу спорить. Я не просто умна, я – гениальна! Я первый в мире специалист по выращиванию зубов. Врач-стоматолог на грани исчезновения. Остался лишь шаг до получения Нобелевской премии и – весь мир в моем кармане! Всего лишь шаг... а дальше останется лишь почивать на лаврах до скончания века!

Красавица с чувством юмора, легко порхающая по жизни. В конце концов, я – само очарование: достаточно одного моего взгляда, чтобы любого свести с ума. Что еще нужно для счастья?

Сейчас я отправляюсь в Америку – выступать с докладом на научной конференции. Как обладатель отличной памяти, не везу никаких записей о своих экспериментах, тем более что их практический результат у меня всегда с собой: будучи уверенной в своей теории, я удалила все свои зубы и достаточно скоро вырастила новые – здоровые и красивые, ничуть не хуже, а возможно, даже лучше прежних, то есть родных. Вся информация о проделанной работе находится в моей голове, а это – самый надежный сейф, который у меня есть

на данный момент.

Итак, я в аэропорту Шереметьево, и через сорок минут самолет понесет меня в США. Там я смогу доказать всему миру, что вырастить зуб не сложнее и не дороже, чем его вылечить.

Глава 2

Многие наши великие, как нам тогда казалось, дела в то далекое советское время зарождались на кухне площадью в пять с половиной метров, где обычно по вечерам, уютясь, заседал неразлучный наш «бабком». Этот островок с работающим мозговым генератором прямо на глазах расширялся от наших идей до невероятных размеров. Именно там в наши молодые светлые головы приходили, дабы воплотиться в жизнь, самые гениальные идеи. И они таки воплощались, как и наши мечты. Эту закономерность подруги объясняли моей магической родинкой над верхней губой, наличие которой указывало на принадлежность к роду ведьм. Такие люди, как я, имеют дар претворять в реальность все сказанное. И не только сказанное, но и загаданное – стоит нам только подумать о чем-то нужном в нужный момент. А во время мытья посуды, держа руки под струей воды, мне и вовсе категорически запрещено отдаваться во власть собственных негативных мыслей – беда мгновенно настигнет того, на кого направлены острые стрелы моих скверных дум...

Там же, на кухне, обсуждались последние новости нашей бурно протекающей юности и, конечно же – что греха-то таить, – перетирались все сплетни нашего дружного двора. И именно здесь я усвоила важный урок: никогда, ни при каких обстоятельствах не жаловаться на свою жизнь. Кого вол-

нует чужое горе, когда каждый погружен в свое собственное? Искренне пожалеть – не пожалеют, в лучшем случае лишь напустят на себя сочувствующий вид, и то, если получится. А вот осудить – с превеликим удовольствием! Осудят, да еще посмакуют на той же самой кухне. Человечество давно уже подметило, что люди быстрее и теснее сходятся между собой при наличии общего объекта для насмешек и осуждения, которого можно безжалостно обмусолить до костей, а затем еще и перемыть все эти косточки до единой. Однако подобная болтология обычно оставлялась на десерт, то есть на тот крайний случай, когда все темы для обсуждения уже исчерпаны, а желания разбежаться по домам еще не возникло.

– Свет, научи меня гадать, – уже который раз прошу подругу. Мне нравится простота в общении с ней: можно и разговаривать, и вести себя так, как в детстве, не соревнуясь в схоластике, оттачивая каждую фразу и подбирая правильные литературные выражения. Что пришло на ум, то и высказала – просто и понятно. Чего выпендриваться-то?

Молчание... Света, зажав в зубах сигарету, тасует карты.

– Ну пожа-алуйста-а... – ною я.

– Нет, – рубит Светка.

– Ну почему сразу нет-то?

– Оно тебе надо?

– Конечно, очень-очень надо!

– Тебе это не надо... – отрешенно отзывается ведунья, блуждая где-то там, в другом мире – в обществе оживших образов Таро.

Пауза. Светка сосредоточенно раскладывает карты, выпуская изо рта сизый сигаретный дымок, и тут же, не глядя на меня, интересуется:

– Подруга, а ты случайно не хочешь новостью поделиться? Или у тебя уже появились секреты от меня?

– Не смейся! Разве от тебя возможно что-то скрыть, Сивилла ты наша?

– Невозможно. Но ты же молчишь о главном...

– Самую главную новость я озвучила.

– Не ту!

– А какую еще?

– Карты говорят о дюже дорогом подарочке. Тебе родственник, который живет за границей, подарил жилье. Возможно, даже отец.

– Верно! Но ты же мне слова молвить не дала! Я просто еще не успела сообщить тебе о том, что отец подарил мне дом на Рублевке и щенка чистокровной восточноевропейской овчарки. О таком я и мечтать не могла!

– погоди... Твой отец, кажется, уже в Штатах живет, а дом, который тебе достался, – в Москве?

– Да, под Москвой. Отец приезжал на юбилей к бывшему своему однокласснику. Тот и показал ему дом по соседству, который продавался. Отличный дом с бассейном. Вот и ку-

пил.

– И как там, на Рублевке-то знаменитой?

– Да не знаю пока. Я, к сожалению, туда пока еще не смогла вырваться. Вот вернусь из Америки и сразу поеду обставлять свое новое гнездо. Но у меня есть фото, смотри. А вот Марьяшка.

– Тот самый щенок?

– Да.

– Симпатичная мордашка. А почему Марьяшка?

– Заводчики сказали, что кличка должна начинаться на букву «М». Сначала хотела Маргошкой назвать, но Марьяшка ей, по-моему, больше подойдет. Так ты научишь меня гадать? – не собираясь сдаваться, я возвращаюсь к волнующему меня вопросу.

Света, глядя в окно сквозь сигаретный дым, упорно хранит молчание.

– Ты не единственная гадалка в нашем городе. Пойду к другой, которая с превеликим удовольствием меня обучит, – пускаю в ход угрозы, и – надо же! – они работают! Светка сразу же возвращается из мира карт и обретает голос:

– Ты бы лучше не гадать училась, а переосмыслила бы то, чем живешь в последнее время и что надумала делать. Тебе не стоит лететь в Америку!

– Ей-богу, Свет, ты или бахнулась, или з глузду з"іхала?! Ты же знаешь, что это – цель всей моей жизни!

– Да пойми же ты, Лена: не твой это дар и использовать

его в целях наживы ты никакого права не имеешь!

– О-о, да ты никак завидуешь, подруга?

– Сострадаю. Не откажешься добровольно, заставят высшие силы, но уже через жестокие испытания. Не хочу тебя заставлять, но все-таки советую подумать над моими словами. Ох, ждет тебя большая беда... Она уже у твоего порога...

– Дорогая, ты забыла: мне всегда везет!

– Но не в этот раз... Похоже, кончилось твое везение...

– Это почему же?

– Сколько тебе? Четвертак? Ты думаешь, что он, этот твой внутренний сожитель, до самой старости будет вместе с тобой? Даже не надейся! Найдет тело помоложе. И станешь ты обычной, как все!

– Это ты сейчас о чем?

– Сама знаешь! – рывкает моя всезнающая и всевидящая подруга.

– Так ты научишь меня гадать? – я решаю включить дурочку и нетерпеливо повторяю вопрос, абсолютно не вникая в сделанное Светой предостережение.

– Вытащи 12 карт – это твой расклад, который позволит увидеть важные события, потянувшиеся вслед за твоим отъездом. Через год, или два, а то даже три расскажешь, что происходило с тобой, – обреченно вздыхает Света, переводя безразличный взгляд в окно.

– Три года?!

– А куда тебе спешить? Теперь тебе спешить некуда, –

Света тушит сигарету о краешек пепельницы, в которую мертвой хваткой вцепился бронзовый чертенок.

Не замечая важности последней фразы, боясь, что Светка передумает, я поспешно раскладываю 12 карт, наугад вытащенных из колоды. Мне почему-то кажется: чем быстрее я это сделаю, тем скорее научусь гадать. Светка мельком оглядывает разложенные карты:

– Ну вот... я так и знала... – тихо бормочет себе под нос и уже громче – для меня, с твердой уверенностью – добавляет:

– Ехать не советую!

– Ты же знаешь, что я все равно полечу.

– Знаю. Но, кроме этого, я знаю, ЧТО тебе предстоит пережить. Ладно, иди, бог с тобой или кто там в тебе сидит... Да! Постарайся записывать все важные события, где бы ты ни находилась. Может, даже когда-нибудь и гадать научишься, – бурчит Светка и, взяв меня за локоть, как непослушного ребенка, со словами «Когда ты уже научишься прислушиваться к моим предсказаниям» почти насильно выпроваживает из своей квартиры. Хорошо хоть не за шкуру...

Н-да, несерьезный визит к подруге оказался на первый взгляд бесполезной тратой времени. Но это лишь на первый взгляд, потому что расклад запомнился мне на всю жизнь. Он снился мне все ночи напролет, и помнила я его даже тогда, когда ничего уже не могла вспомнить...

Глава 3

В Шереметьево было душно. Вместо кондиционеров на потолке, казалось, вхолостую крутились огромные вентиляторы, лопасти которых, гоняя пыль, не прибавляли свежести. «Кажется, я знаю место, где можно насладиться прохладой», – подумала она. До посадки оставалось достаточно времени, чтобы посетить уютный ресторанчик с кондиционером, спокойно собраться там с мыслями или, наоборот, освободившись от всякого рода мыслей, подготовиться к дальней, длиною в половину суток, дороге. Поднявшись по эскалатору на второй этаж, она зашла в маленький ресторан. Выбрала яства повкуснее, наполнила свой бокал мартини, бросила в него пару кубиков льда, добавила апельсиновый сок и удобно расположилась у окна. Погрузилась в грезы о предстоящей встрече, которая вот-вот должна состояться в Нью-Йорке и, несомненно, прославить ее на весь мир. Но сосредоточиться на приятных мечтаниях ей мешал чей-то взгляд, который она почувствовала спинным мозгом. Оборачиваться было неудобно, и она поступила так, как может поступить только женщина: раскрыла пудреницу и с помощью зеркала стала наблюдать за тем, кто не сводил с нее глаз. Им оказался мужчина – возможно, неженатый, но холеный, одетый с иголочки. Приятное умное лицо с чистым взглядом ребенка. Точно – запал! Что тут удивительного? Она умела наво-

дить чары на людей, сама того не желая. Все прохожие обращивались на нее. Многие теряли голову – и не только от ее сияющей неземной красотой внешности, но и от остроты далеко не девичьего ума. И она, знаток разнообразных психологических приемчиков, решила поиграть в любимую игру. Однако навести чары за время, оставшееся до посадки, не удалось – орешек оказался не по зубам. Видимо, это был практикующий психолог со стажем или что-то вроде этого.

В салоне самолета, поменявшись местами с рыжеволосой суеверной женщиной, которая никак не желала сидеть на 13-м месте, Лена оказалась соседкой того самого мужчины, который не сводил с нее глаз в ресторане. Его смущение ее забавляло. Наблюдая краем глаза за его очевидным желанием познакомиться, сдерживаемым нерешительностью и страхом заговорить с ней, она наслаждалась этим неловким для него положением. Заключила: «Вряд ли это психолог – слишком робкий. Но при бабках – часики дорогие и костюмчик... тоже далеко не копеечный».

Оценив его с ног до головы, она предоставила ему возможность первому заговорить с ней, гадая, с чего же он начнет.

– Вы тоже летите этим самолетом? – наконец-то поинтересовался он, не зная, с какого бока подъехать к очаровательной девушке, приглянувшейся ему еще в аэропорту. И тут же осознал свой ляп. А она, будто только и ждала этого,

залилась звонким заразительным смехом, который, несмотря на все ее старания, не смогла сдержать.

– Где-то я это уже слышала!

– Кажется, я сморозил, – смущенно улыбнулся собеседник.

– Очень даже кстати: здесь ужасно душно, – пошутила она.

Переглянувшись, оба расхохотались.

– У вас очень приятный парфюм.

– *Hermes!* – тут же выпалил попутчик.

– Мне очень редко нравятся запахи мужских одеколонов, но этот древесный запах хочется вдыхать непрерывно.

– Спасибо... или что там говорят в таких случаях? Рад, что вам нравится? – преодолев первое психологическое препятствие, разговорился сосед.

– На самом деле для меня это немаловажно, ведь нам придется сидеть рядом довольно-таки длительное время. И мне далеко не безразлично, чем дышать и что вдыхать.

– В салоне нашего самолета витает слух, будто бы вы – миллионный пассажир. То есть пассажирка.

– И он правдив.

– И Вы так равнодушно об этом говорите?

– Меня это нисколько не удивляет. Я с детства привыкла, что мне всегда и во всем везет.

– Вот как? Интересно... А вы летите отдыхать? Или это вопрос нескромный?

– Вопрос вполне допустимый. Но отнюдь не скромный ответ на него: еду доказывать миру, что вырастить зуб – это пустяк.

– Смело! А не боитесь?

– Я должна чего-то бояться?

– Например, нажать кучу врагов.

– Каких, например?

– Вы только представьте, сколько врачей-стоматологов могут лишиться работы. Специалисты потратили годы и вбухали немалые деньги на обучение, а тут так раз – и за борт: не нужны никому.

– Я об этом даже и не думала. Наоборот, представляла, скольким людям принесет облегчение мое открытие.

– Не все так просто. Ведь, скажем, автомобиль, которому нужен не бензин, а вода, уже давно изобрели, однако им почему-то еще не пользуются, хотя это дешевле. Кому-то это невыгодно. Так и в вашем случае: могут возникнуть проблемы с введением вашего ноу-хау.

– Честно говоря, для меня это неожиданный поворот.

– Надеюсь, что все у вас будет хорошо.

– О! Да я просто уверена в этом! Если хотите, могу продемонстрировать фото выращенных мной зубов.

– Любопытно взглянуть.

Она вытащила из сумочки стопку фотографий, но – неловкое движение, и одна карточка выпала из общей пачки. Он поднял ее: на фоне необычного дома-шалы красовалась

забавная мордочка щенка восточноевропейской овчарки.

– Этому молодому песику вы тоже вырастили новые зубы? – засмеялся он.

– Это моя маленькая Марьяшка. Отец недавно подарил – исполнил мечту детства, – улыбнулась она.

– А это, как я понимаю, ваш дом?

– Да, его тоже подарил отец – в честь моего научного открытия.

– Необычный... где он находится?

– На Рублевке.

– Тогда, возможно, мы с вами соседи! Моя дача тоже в тех краях, правда, домик в другом стиле и чуть поскромнее...

Неожиданно в салоне самолета появился странный едва уловимый запах, который сморил всех до одного. Лена, почувствовав сонливость, попросила принести холодный сок. Она была уверена, что томатный сок прогонит всеобщую дремоту.

– Оглянитесь вокруг: все одновременно заснули. Словно нас специально пытаются усыпить.

– Действительно, клонит ко сну...

Их беседу прервала подошедшая стюардесса. Но в тот самый момент, когда она протянула его собеседнице стакан с томатным соком, самолет отчего-то сильно трянуло – и ярко-красное пятно растеклось по одежде девушки; капли сока попали даже на лицо. Сонливость как рукой сняло. Вскрикнув, она нервно вскочила и стремительно направи-

лась в туалет, чтобы привести себя в порядок. Он нетерпеливо ждал ее появления, но она, как ни странно, не возвращалась. Сделав вид, будто хочет размять затекшие от долгого сидения ноги, он неторопливо прошелся и оглядел весь салон самолета. Тщетно – она будто просто испарилась.

Исчезновение «юбилейной» пассажирки озадачило весь экипаж. После приземления самолет обследовали специалисты с собаками, но не помогло и это.

...Просочившаяся в СМИ информация о происшествии на борту рейса «Москва – Нью-Йорк» вызвала множество самых невероятных и фантастических предположений; газеты и телеканалы в последующие дни трезвонили на весь мир о загадочном исчезновении человека из салона самолета прямо во время полета. И нередко подчеркивалось, что пропал именно миллионный пассажир, которого ждал баснословно дорогой приз...

Глава 4

Александр

Сосед пропавшей незнакомки, которую, как стало известно, звали Еленой, ни на минуту не забывал о ней. И, вернувшись на историческую Родину, Александр – это имя она, к сожалению, не успела узнать, – прямо из аэропорта отправился на работу, в Институт психологии: без совета коллег было не обойтись... Застряв в бесконечной пробке, сидя за рулем своего «мерса», он тихо беседовал сам с собой, упорядочивая скачущие мысли, благо никто не мог его слышать.

«Даже толком познакомиться не успели, – думал Александр, разглядывая фото, которое так и осталось у него после перелета. Ее-то имя уже у многих на устах, а меня она, даже если найдется, скорее всего, и не вспомнит. Надо было подойти к ней еще тогда, в ресторане. Сказать: привет, я Александр, психолог по призванию... Правда, – тут же перебил он сам себя, – по призванию не в том смысле, в котором можно было бы подумать.»

Мысли Александра без труда перенеслись через недолгий срок службы в разведроту.

«Помню, вызвал меня к себе товарищ полковник, пока-

зал подписанный приказ и поздравил с назначением психологом. Больше от него ни слова... Лишние вопросы задавать – не по уставу. И отправили меня в закрытую психологическую клинику, чтобы, так сказать, поднабраться опыта, а через время вновь вызвали к полковнику и снова поздравили – на этот раз с новой должностью».

Александр и сам не заметил, как отвлекся от мыслей о незадавшемся знакомстве и погрузился в воспоминания. «Суть новой должности заключалась в оказании психологической поддержки нашим дипломатам. Дескать, они бедные, замученные, оторванные от семьи и детей – прямо нуждаются в срочной психологической помощи. А тут еще американские коллеги на них постоянно давят, манипулируют, угрожают, подслушивают, нагнетают обстановку – вот, негодяи такие! Конечно, все прекрасно понимали, что это далеко не так и что мои неофициальные визиты в Великобританию, Францию, Германию и США связаны совсем с другими делами...»

Сзади донесся пронзительный гудок автомобильного клаксона, и Александр вернулся мыслями к Елене. «Нет, я, конечно, хорош... Язык проглотил. Не мог нормально начать диалог... И вот что на меня нашло? Эх, да что уж там... После драки кулаками не машут.

К счастью или, скорее всего, к несчастью эта красивая и смелая девушка оказалась рядом со мной в самолете. очередной раз убеждаюсь: там, где я, всегда пахнет жареным или

как минимум назревает международный скандал, а мне же и приходится разрешать этот скандал так, чтобы, как говорится, комар носа не подточил. Ювелирная работа, очень похожая на работу сапера. Тот тоже потеет над проводками и опасается каждую секунду, чтобы не бабахнуло.

И все-таки: почему именно рядом со мной оказалась эта прекрасная незнакомка? Да еще «улики» оставила в виде фотографии... Чертовщина! Был ли я удивлен самим фактом пропажи? И нет, и, если да, то совсем немного. Хотя меня вообще сложно чем-то удивить. Столько уже насмотрелся, что на всю жизнь хватит, даже не на одну. В нашей клинике и не такие исследования проводили, поэтому, слава богу, успел закалиться.

Правда, теперь вот коллеги подшучивают: мол, смотри, Алекс, отличный политический повод – девушка летела на конференцию, желая доказать всему миру, что вырастить зуб – это сущий пустяк, но так и не успела понять, кому сболтнула. И после беседы с тобой ее больше никто не видел! Ха-ха!

Конечно же, это всего лишь профессиональная шутка коллег, мало кто ее поймет и оценит по достоинству, но мне самому было как-то не до смеха.

Хорошо хоть, меня не показали по центральным каналам, по какому-нибудь там *CNN*. Лучше уж оказаться на месте той красавицы, чем краснеть и сгорать от стыда перед начальством, которое обязательно упрекнет в том, что два года

службы в разведке меня ничему не научили.

Сенсация века для непосвященных для меня могла запросто превратиться в глупость века.

Но самая глупая глупость заключалась даже не в этом. Нет – глупость заключалась в том, что я дал волю своим чувствам, что вдвойне непозволительно для экс-разведчика. Хотя бывших разведчиков не бывает... Впрочем, и психологам не стоит не к месту проявлять чувства, а мне так и вовсе некогда было этим заниматься...

Надо же, я и не помню, когда в последний раз влюблялся. Наверное, это было в секции по плаванию, когда мне понравилась Ленка, чей портрет висел на доске почета под надписью «Мы ими гордимся». Удачное фото получилось. Я даже стащил его после занятий. Забавно, а ведь ту девушку тоже Леной зовут! Может, это была та самая отличница? Да нет... Та все время молчала, и друзей у нее никогда не было, которым она могла бы поделиться своими девичьими тайнами. Да и влюбился-то я из жалости. Заехал ей случайно в глаз во время тренировки. Вот и бегал за ней, вымаливая прощение. Мне тогда показалось, что она какая-то одинокая и беззащитная. Потом внезапно исчезла куда-то. Поговаривали, что уехала на Украину. А эта незнакомка – полная противоположность. Таких не жалеют. Таким завидуют.

Ну, что можно сказать об этом мимолетном знакомстве? Сошел вслед за незнакомкой с эскалатора, и взору моему предстала женщина невообразимой красоты. Нет, не так...

Если по порядку, то сначала я ее почувствовал, унюхал, если можно так выразиться, а уж потом она предстала перед моими, хм, очами. Ну и кто из моих друзей меня умным назовет? Дурак дураком! Надо же было нарушить милое сердцу холостяцкое спокойствие! Ведь скольких женщин я встречал на своем пути? Но и то почувствовал, что эта – не типичная ягодка, она с абсолютно другого поля. И надолго лишился дара речи. Потому-то и не подошел к ней в ресторане, а мог ведь...

Она заметила меня, еще сидя у окна с бокалом мартини. Тут же достала из сумочки нехитрую женскую конструкцию под кодовым названием «пудреница» и стала за мной подглядывать, а заодно и припудривать свое милое личико, всячески посылающее мне знаки внимания. Может, и показалось, что посылающее. Во всяком случае, мне бы очень хотелось, чтобы это было именно так.

«Точно не террористка», – первое, что пришло мне в голову. У них более изощренные методы конспирации. Правда, и они пользуются пудреницами, только вместо пудры у них там кнопка детонатора. Судя по тонким длинным пальчикам этой чаровницы, она и оружия-то в руках никогда не держала. Итак, на протяжении получаса мы изучали друг друга: я, как опытный разведчик, с точки зрения безопасности (во всех смыслах этого слова), а она, как профессиональная искусительница, с точки зрения, возможно, приятного знакомства. Игру нашу прервал внушительный голос, эхом про-

катившийся по всему аэропорту, объявляя о начале посадки. Вот тут-то она впервые и испарилась. Я еще подумал, что, вероятнее всего, она существует в двух измерениях одновременно или, что более реалистично, мне просто причудилась.

Но, как ни странно, продолжение последовало...

Первый раунд, где каждый из нас не проявился в полной мере, оказался сыгран вничью.

Второй раунд начался в салоне самолета, где некая рыжеволосая женщина, смахивающая на базарную торговку, категорически не желала сидеть на 13-м месте, то есть рядом со мной. И моя таинственная незнакомка, материализовавшись из ниоткуда, тут же поменялась с ней местами. Наверняка согласилась на это ради меня, ведь она, на мой взгляд, только и искала возможности сесть рядом со мной. А поскольку женщинам с такой внешностью все дается с легкостью, то и случай не заставил себя ждать. Что она притянула больше – случай или меня, не берусь судить. Пока она усаживалась, я приготовил вроде бы оригинальную шутку для начала знакомства. Но, как только почувствовал случайное прикосновение красавицы, в тот же миг забыл, чем именно хотел ее покорить, и, как болван, выдал: «Вы тоже летите этим самолетом?» Бестолковая бородатая глупость. Хотя, справедливости ради, бестолковщина расслабляет, тем более лететь нам предстояло более десяти часов, и для «серьезных допросов», казалось, еще много времени. Кто ж знал-то, что знакомство наше продлится столь недолго, оборвав-

шись на самом интересном месте? Как бы то ни было, эта совсем не остроумная шутка подтолкнула нас к непринужденной беседе, периодически сопровождавшейся ее звонким заразительным смехом. Умная красавица-хохотушка – редкое сочетание...

Что было потом? Да, эта нелепая ситуация с «сонным самолетным царством» и томатным соком, случившаяся сразу после моих слов: «Моя дача тоже в тех краях, правда, домик в другом стиле и чуть поскромнее». Признаюсь, разболтался, а потому и поплатился.

Вот ведь учили же меня: стоит допустить малейшую ошибку в конспирации, как сразу неминуемо произойдет какая-нибудь «ерундовина»... Правда, «ерундовина» произошла не со мной, а с моей очаровательной соседкой, у которой наглый томатный сок бестактно пополз под блузку. Многим бы я сейчас пожертвовал, чтобы оказаться на его месте... Ну да ладно. Она вскочила и понеслась в туалет, а я остался в полном одиночестве наедине со своими расшалившимися мыслями. Но что-то меня смущало в этих мыслях. Что именно? Неужели я почувствовал, как от меня ускользает то, что внезапно стало до боли дорогим и близким? Похоже, что так. И чем дольше моя попутчица не возвращалась, тем ближе к солнечному сплетению подступала эта давящая боль потери. Я полностью прочувствовал утрату. И понял вдруг, что не увижу ее больше... Возможно, никогда.

Повернувшись к иллюминатору, принял отрешенный вид,

сохраняя внешнее спокойствие, хотя в душе своей рвал и метал. Здесь, как никогда, помогла профессия, иначе на следующий же день я бы вместе с очевидцами попал на экраны телевизоров. Но этого, к счастью, мне удалось избежать. Наводил ли я справки по поводу этого случая? Конечно. Но не на американской стороне – в их заинтересованность я верил меньше всего, им лишь бы наделать шуму да попиариться, а между новостными выпусками трижды произнести вместо мантры: «Coca-Cola!» Для остального они непригодны. О чем говорить, если культ потребления стоит выше человеческих жизней? Поэтому, по большому счету, плевали они на незнакомку и на ее исчезновение.

В Америке я провел, насколько это было возможно, не привлекая к себе внимания, частное электронное расследование, покопался в базах данных. Но моя мимолетная небесная любовь оказалась гражданкой Украины. Этот факт завел дистанционные поиски в тупик. Надо было возвращаться туда, где все началось, по крайней мере для меня: в Москву».

Все эти мысли Александр и озвучил своим коллегам по Институту. Вернее, одному из коллег: старейшему профессору, занимавшемуся вопросами парапсихологии. И получил ответ:

– Знаешь, Саша, если бы она туда летела с политическим докладом (например, о взломе почтового ящика Госсекретаря США русскими спецслужбами), то это было бы полностью

политическое дело. А кому может быть интересна женщина с революционным лозунгом «Вырастить зуб – это пустяк!»? В принципе, очень и очень многим. А если этим делом будут интересоваться верхи, то провести частное расследование нам просто не позволят.

И профессор, загадочно улыбаясь, протянул Александру визитку известной гадалки, которая, по его мнению, могла подсказать, в каких измерениях искать ту, кто смогла затронуть сердце закоренелого холостяка. Александр внимательно изучил визитку, затем положил ее в карман пиджака. К медиумам обращаться точно не хотелось, поэтому в первую очередь он решил съездить в Харьков, где, судя по прописке, указанной в паспорте, должна проживать Лена.

Не откладывая поездку в долгий ящик, я в тот же вечер купил билет на фирменный поезд «Москва – Харьков», отправлявшийся с Курского вокзала в 21:00, и ранним утром уже шагал по утопающей в зелени бывшей столице Украины.

Выяснив место жительства таинственной незнакомки, я отправился в Дзержинский район: доехал от Южного вокзала до конечной остановки «Проспект Победы» и без труда нашел дом в шестнадцать этажей, расположенный почти у самого леса, который тянулся, казалось, до самого Белгорода. Аромат зелени, ворвавшийся в разбитое лестничное окно, освежал весь обшарпанный подъезд, не знавший ремонта не иначе как с постройки дома. «И почему эта остановка на-

зывается „Проспект Победы“, а не „Лесная“?» – подумал я, безответно названивая в квартиру. Кто б сомневался-то, что там никого нет и быть не должно? Я уже собрался спуститься по лестнице, но тут открылись двери лифта, и на площадке появилась пожилая женщина.

– Тобі чого, милок?

– Да вот соседку вашу хотелось бы увидетьь.

– Не побачиш її. Її давно ніхто не бачив. В Москву мотаться, працює там вже давно. Останній раз бачила її зі Светою з четвертого під’їзду. Сходи до неї, може, що і вияснить.

Пройдя по указанному старушкой адресу, я увидел чуть приоткрытую дверь, из которой вальяжно выплывал на волю, подобно диковинной бестелесной сущности, сизоватый дымок. Прокуренная квартира явно не принадлежала ЗО-Жшнику.

– Ну, и кому стоим там под дверью? – слышалось из глубины ее комнат.

Это «любезное» обращение явно относилось ко мне. Что ж, я не стал пренебрегать приглашением и вошел в коридор.

– Проходи-проходи. Да не бойся, не съем – чай, не голодная, – раздалось из кухни.

Я проследовал на голос и сквозь сигаретный дым едва разглядел хозяйку, сидящую за столом перед своим раскладом.

– Время попусту тратишь. И деньги тоже. Не найдешь ты ее сейчас, – не глядя на меня, произнесла Света.

– Почему? – решив не удивляться никаким мистическим штучкам, поинтересовался я.

– Не время еще. Через годик приезжай – прояснится многое.

– Она жива?

– Говорю же, через год приезжай, – повысив голос, повторила гадалка прокуренным голосом. И, сверкнув сквозь пряди черных длинных волос глазами, тяжелым взглядом вы проводила меня вон.

Проглотив непривычно грубое обращение с моей персонею, я почему-то безропотно покинул квартиру гадалки.

Итак, путешествие из Москвы в Харьков не дало никаких результатов. Но, как говорится, отрицательный результат – тоже результат.

Вернувшись в Москву, я продолжил поиски: попробовал пойти официальным путем и обратиться в полицию.

– Мистика – не наш профиль, – лениво усмехнулся молоденький офицер, протягивая мне чистый бланк заявления о пропаже. – Может, вам лучше к гадалке сходить? Быстрее будет. Могу и адресок подкинуть, – и, загадочно улыбаясь, протянул мне карточку. Внимательно изучив ее, я пошарил в кармане пиджака и достал еще одну точно такую же, которую мне вручил профессор. Это был явно знак свыше. Похоже, я зря сомневался – ехать к гадалке или нет, сейчас вопрос отпал сам собой.

Заявление о пропаже так и осталось не написанным...

Когда друзья посоветовали ему ту же гадалку, Александр, несмотря на стопроцентное недоверие ко всякого рода ворожбе, все-таки отправился к ведьме. Та жила рядом с лесом в аккуратной рубленой избе, выстроенной в русском стиле, на участке с легким, радующим глаз современным ландшафтным дизайном: альпийская горка, на которой, не обращая ни на кого внимания, без зазрения совести хозяйничал еж; прудик с симпатичным маленьким домиком, где обитали дикие утки со своим многочисленным выводком; поднимающийся над природным ручейком очаровательный мостик, на котором беззаботно, не боясь людей, резвились белки. Пергола, увитая трехметровыми плетистыми розами, умиляла, создавая на дворике веселую и немного мультяшную атмосферу, нехарактерную для обитания типичной ведьмы. Все крупногабаритные деревья в саду были когда-то намеренно высажены так, чтобы над этим волшебным местом всегда нависала кружевная тень. Очевидно, ведьма, заботясь о состоянии своей удивительно идеальной кожи, избегала прямых солнечных лучей, создав уютный полумрак на всем участке. Эта ухоженная женщина с изысканным вкусом внешне не была похожа на человека, связанного с потусторонними силами. Если исключить из внимания ее манеру одеваться в стиле испанской байлаоры, то в анфас она скорее напоминала директора школы советских времен, чем ведьму. Хотя для некоторых советских школьников – это... ну,

вы сами понимаете, если, конечно, застали те годы.

Закрыв за ним калитку, ведьма кивком головы указала следовать за ней по извилистой узкой тропинке, вымощенной песчаником. Ступая за гадалкой, Александр не мог отвести от нее взгляда, любуясь ее изящной фигурой и чарующей, необыкновенно легкой походкой – настолько плавной, что даже висячие серьги с большими черными жемчужинами оставались неподвижными при каждом шаге. Судя по наряду, далеко не современному, но со вкусом подобранному и, видимо, очень дорогому, ее можно было принять за молодую исполнительницу страстного фламенко.

Руки невольно порывались прикоснуться к ее безумно красивым темным шелковистым волосам, ниспадающим до самой тонкой талии. Александр поймал себя на мысли, что запросто мог бы влюбиться в эту ведьму, но ни за какие коврижки не согласился бы с ней жить. «Эта обладательница вечной неземной красоты небось питается, как все колдуньи, коровьим молоком с росой. Интересно, а тело ее так же идеально, как лицо?» – думал он, сожалея о том, что не может лицезреть ее плечи и декольте, скрытые под одеждой и дополняющей ансамбль шикарной шалью.

Видимо, его мысли были настолько громкими, что она смогла их услышать. Ведьма резко обернулась и обожгла его взглядом. Александр с ужасом отшатнулся, почувствовав невидимый, но достаточно сильный удар в солнечное сплетение. Споткнувшись о выступающий край песчаника, он ед-

ва не рухнул назад, с трудом удержав равновесие. Вот уж поистине наглядный пример того, что взглядом можно убить. «Черт! Если эта ведьма без труда считывает мои мысли, надо немедленно прекратить свой внутренний диалог!» И Александр, теперь уже в надежде быть услышанным, постарался как можно громче (если это слово, конечно, применимо к мыслям) и красноречивее подумать: «Возможно, про тело – это была не моя мысль, а шальная: пролетала мимо и решила посетить мою голову». И приложил все усилия, чтобы больше вообще ни о чем не думать.

По едва заметной торжествующей улыбке можно было догадаться, что ведьма услышала его посыл.

«Интересно, что на ее лице нет морщин, – Александр все-таки не удержался от дальнейшего мысленного анализа ведьмы, – а возраст все равно виден. Его выдают ее глаза – огромные, глубоко посаженные, полуприкрытые и в то же время бездонные, таящие вековую непроницаемую тайну, которую не дано разгадать никому на свете. И еще – взгляд».

Взгляд ее и в самом деле был достаточно пронзительным, будто раздевающим до костей. Таким людям очень сложно смотреть в глаза: всегда чувствуешь себя мало того, что голым, так еще и виноватым во всех смертных грехах, как двоечник или безответственный работник, которого в очередной раз вызвали на ковер. Александр сразу понял, что перед ним – далеко не простая дама, а ведунья, никогда и не перед кем не обнажающая свои истинные мысли и чувства. Ни

один, даже самый опытный физиономист не смог бы найти ни малейшей зацепки, чтобы прочесть ее характер и тем более предугадать дальнейший ход ее мыслей. Наверняка это не столько результат многолетней тренировки, сколько манеры, переданные предками по наследству, а то и гены. А гены, как говорится, пальцем не размажешь. Неожиданно для себя Александр почувствовал, что боится этой очаровательной тетки. Впрочем, отсутствие всевозможных дьявольских причиндалов в доме немного успокаивало. Не было даже традиционной черной кошки. Наоборот: все лаконично, изящно, в пастельных тонах... И дом был наполнен чистым свежим воздухом без ритуальной дымовой завесы и каких-нибудь там черепов. На стене вместо веера, ловца снов или чего-то в этом роде висели картины, среди которых он опознал «Японку» и «Пруд с кувшинками» Клода Моне; напротив них красовался пейзаж, чем-то отдаленно напоминавший дворик хозяйки этого дома. Ухоженные комнатные цветы дополняли легкий интерьер уютной светлой и достаточно просторной комнаты гадалки. В углу у входа стояли старинные напольные часы из красного дерева, очевидно, доставшиеся ведьме по наследству. Они напоминали стража времени, надежно охранявшего жилье. Умудренные возрастом, они жили своей жизнью, не вмешиваясь в текущие события, издали наблюдая за происходящим и лишь изредка боем напоминая о безвозвратно ушедшем времени...

Ведьма все так же молча пригласила гостя к большому

овальному столу, накрытому ослепительно белой скатертью, на которой выделялись яркие набивные шелковые цветы. В центре стола возвышался цветочный горшок с сиреневой орхидеей.

Хозяйка, грациозно опустившись в кресло, вынула из кармана своей шикарной юбки гадальные карты и мягко положила их на стол. Не сделав ни одного лишнего движения, не произнеся ни единого лишнего слова, сидя с абсолютно прямой спиной, она за считанные секунды разложила умелыми движениями Таро. («Подобные манеры способны внушить собеседнику уверенность в том, что перед ним сидит обладающий сверхъестественной мудростью человек, способный разобраться в хитросплетениях человеческого разума и, при желании, повлиять на ход событий чуть ли не во всем мире», – не удержавшись, подумал Александр и с содроганием почувствовал, что и его судьба находится в красивых, но уж очень цепких руках этой ведьмы.)

Холодным тоном ведьма объявила, что ни среди мертвых, ни среди живых пропавшую незнакомку она не видит. Нескоро, но однажды на рассвете встреча таки состоится. Через время – не раньше, чем через год – ему можно нанести ей повторный визит: что-то должно проясниться.

– До встречи в следующем году, – попрощалась гадалка, аккуратно снимая с камина переполненную купюрами шкатулку, украшенную дорогими камнями, и складывая в нее «гонорар».

Несмотря на то, что ведьма подтвердила слова Светы, Александр ей не поверил. В том числе и потому, что вся консультация заняла не более четырех минут, за которые он не только успел получить ответ и отвалить приличную сумму, но и, чертыхаясь, покинуть дом этой стильной, но стареющей вместе со своим, возможно когда-то очень модным, стилем ведьмы...

Не поверил – а зря.

Глава 5

Отец

– Аленушка, в тебе сидит негативная сущность, которая мешает прожить твою собственную жизнь, – не раз напоминал дочери Виктор Дмитриевич. – Сейчас ты живешь чужой жизнью.

– Ну какая сущность, па-а-па-а?

– И ты не веришь в мои научные открытия... Никто, никто мне не верит... – продолжал сокрушаться профессор. Он рассказывал в своих трудах о скрытых нереальных, превосходящих все границы нашего воображения способностях каждого человека и всевозможных сущностях, которые нередко вселяются в людей. Однако эти взгляды были восприняты многими его коллегами как сумасшествие профессора, списанное на недавнюю поездку в Индию, где ему, по их мнению, и «выправили» мозги.

– Я, папочка, верю, – успокаивала его дочь.

– Так не верят... Когда-нибудь ты это увидишь. А сейчас – это всего лишь слова, только слова... – с горечью отвечал ученый, чувствуя себя весьма одиноким. Даже дочь не хотела его понять. Где же та единственная, кто всегда его понимала? Пропала бесследно...

Когда-то известный в России психолог и психиатр, профессор Виктор Дмитриевич Преображенков, основатель престижной психологической клиники под Москвой, теперь не был понят коллегам на Родине, которые при каждом удобном случае пытались выставить его на потеху. Не в глаза, а в научных трудах, статьях и даже на лекциях. Устав от пустых споров – на дискуссии с глухими к его доводам оппонентами уходило больше времени, чем на саму науку, – он решил эмигрировать и продолжать свои исследования в США.

Вскоре после его отъезда новым директором клиники, к великому разочарованию коллег, каждый из которых с надеждой ждал назначения, стал молодой специалист, протеже одного дипломата, которого Виктор Дмитриевич знал еще со школьной скамьи.

А началось все с того самого дня, когда он наконец-то решил отправиться в Индию в ашрам Бабаджи, куда мечтал попасть еще с давних времен начала своей карьеры.

Там Виктор Дмитриевич встретил известного в Хайдакхане бессмертного йога, которого он почему-то назвал про себя Шаманом. Шаман был удивительным человеком, обладавшим неким Даром. С первого дня знакомства Виктор Дмитриевич увидел в нем сверхчеловека и решил во что бы то ни стало разгадать тайну его невероятного призвания. Как психологу, ему было интересно изучить сознание Шамана с на-

учной точки зрения, исследовать его экстрасенсорные способности, талант прорицателя и целителя.

Шаман знал об истинной цели приезда русского профессора в ашрам, но относился к этому со снисхождением, так как видел изменения, происходящие с гостем после каждого посещения этих святых мест.

Первый приезд был довольно-таки короткий – всего три месяца. Второй раз профессор пробыл в Хайдакхане почти полгода и вернулся домой другим человеком, в корне изменившим взгляд на жизнь. Много рассказывал коллегам о людях с поразительными способностями, умеющих видеть не только сквозь стенку, но и через века. Одно время профессор даже был готов оставить суетный мир и навсегда поселиться в ашраме Бабаджи. Однако Шаман посоветовал ему сначала хорошенько подумать, взвесить все за и против и только потом решать, стоит ли так круто менять свою судьбу: невежественному земному миру тоже нужны проводники, несущие ясный свет мира высшего.

Но он все равно уехал из Москвы – только не в Индию, а в Штаты, получив приглашение как специалист с редкими знаниями и способностями, которыми наделил его Шаман, живший в ашраме...

...Сегодня из России прилетает его единственная любимая дочь, которой он гордится с самого ее рождения и по которой безумно скучает. Вроде не так давно виделись, но все

равно уже соскучился. Прилетал сделать ей подарок – дом в сосновом бору под Москвой. А теперь он, счастливый, с огромным букетом алых роз спешит в аэропорт Кеннеди.

Умница, красавица Елена пошла по его стопам. Не то, чтобы совсем след в след, но тоже в медицину. Вот и сейчас летит в Нью-Йорк с научным открытием, которое – он, Виктор Дмитриевич, уверен – потрясет весь мир!

Радуюсь долгожданной встрече, Виктор Дмитриевич рванул по шоссе с невероятной скоростью, дабы показать дочери, что ее отец еще «о-г-г-го!». А над дорогой висела полная луна – столь огромная, что, казалось, преграждала путь, тем самым предупреждая об опасности...

...Безмолвие в крошечной тьме... Электрические разряды, пробивающие тьму... И вот возник свет. Мягкий... где-то там, совсем далеко. В его ярких вспышках – силуэты, мелькающие вдали и одновременно совсем рядом. Он пытается прикоснуться к ним, но те уплывают. Вокруг дымка – неуловимая, воздушная, состоящая из человеческих душ. Иногда сквозь пелену он слышит голоса, прислушивается, пытаясь понять, о чем говорят, но слова рассеиваются в воздухе. Единственная мысль в голове: как там моя дочь? Хочется вырваться из плена своего же тела, но сознание не отпускает. Он не понимает, что происходит, где он находится: такое ощущение, будто бы он существует одновременно и в прошлом, и в будущем, и здесь, и где-то там вдали.

ли... и неизвестно где... Несмотря на иллюзорное чувство, он все-таки осознает себя вполне реально. Или, может, это всего лишь сон? Но какой-то странный этот сон – не отпускающий, пугающий, наполненный голосами неизвестных ему душ! Аленушка... Он беспомощно, изо всех сил пытается произнести имя дочери вслух и даже думает, что произносит, но почему-то не слышит себя и, конечно же, не получает ответа...

Что было? Вспомнил, как ехал на машине в аэропорт. Или из аэропорта? Ночь. Грузовик. Визг тормозов, летящая на его машину громадная кабина. А дальше – дочь, спускающаяся откуда-то с небес на фоне огромной луны... И больше ничего... Он даже не может утверждать, была ли рядом дочь. Кто-то был, но дочь ли? То, что с ней точно что-то случилось, – это он чувствует и знает наверняка.. Просто знает, и все! Может, не здесь, а где-то, но он точно видел ее падение...

Аленушка. Он чувствует, что она где-то рядом, но, может, это «рядом» находится за тысячи километров... «Если она все же здесь, то не сможет без меня одна, в чужой стране, в Штатах, где к россиянам многие относятся недоброжелательно, с предубеждением».

Виктор Дмитриевич вдруг увидел свои книги, всплывающие в его мозгу живыми образами, отдельными четкими фразами. Теперь он находился в том состоянии, о котором когда-то писал в собственных работах. Вспомнился образ

бывшего коллеги, который всю жизнь латал человеческие сердца и сам умер от сердечного приступа. Так и он сейчас: получил то, над чем работал больше половины сознательной жизни, отданной науке.

Хайдакхан... Перед его глазами пронеслись йоги, монахи, владеющие тайными знаниями. Зачем все это, если теперь он где-то на грани миров... Умер? Нет, не похоже. Но что-то случилось с Леной... Он видел, как она куда-то проваливалась – очень медленно и очень нереально, словно в растянутом времени. Он видел эту картину из больницы, находясь в состоянии комы...

Вспомнил вдруг свое детство. Отчетливо вырисовался фрагмент: он, еще мальчишкой, ловит бабочку и сажает ее в литровую банку, а потом часами наблюдает, как она бьется о стекло. Все возвращается на круги своя: теперь он – та самая бабочка, неспособная выбраться из плена собственного тела. Оболочка, в которой он сейчас находится, по ощущениям похожа на огромное увеличительное стекло – столь огромное, что через него видна вся Вселенная в мельчайших подробностях.

«Все уверены в том, что я сплю и не знаю, что происходит вокруг, но я вижу сейчас больше, чем когда-либо. Ни один из докторов об этом даже не догадывается. Все это – результат недоверия к моим научным разработкам. А ведь я годами пытался рассказать коллегам о возможностях невозможного в подобном состоянии. Вот, к примеру, сейчас я

чувствую, что могу общаться практически со всеми, находящимися в любой точке земного шара, а может, даже далеко за его пределами. Но... Важно, чтобы не отключили аппарат жизнеобеспечения. Надо постоянно давать им знать, что я еще жив. Я не собираюсь покидать этот мир до тех пор, пока не узнаю, что с моей дочерью...»

Елена

Я с усилием пыталась открыть глаза. Голова кружилась, тошнило, ломало, хотелось пить, разбитое тело кричало от боли. Вокруг гнетущая обстановка: стерильно белая палата, трубки, капельницы – от всего этого веяло безысходностью. Возле кровати стояла медсестра и что-то говорила. Я едва понимала английскую речь, хоть и знаю этот язык достаточно хорошо.

– Как вы себя чувствуете, мэм? – заметив, что я открыла глаза, медсестра внимательно посмотрела на меня.

– Невыносимо... Даже не знаю, рада ли я, что осталась жива. Что с моим отцом? – наугад спросила я, уверенная, что с ним что-то случилось, хотя и не знала, где он.

– Он в коме, мне очень жаль. Мы делаем все, чтобы поддержать его жизнь, но вы же понимаете: такая авария... – Медсестра многозначительно замолчала.

Теперь я не сомневалась, что с отцом произошло несчастье и что он где-то рядом.

– Когда я встану? Когда увижу отца?

– Елена, у вас множество переломов, серьезно поврежден позвоночник и сотрясение мозга... Вам предстоит долгий период восстановления.

– Я буду ходить?

– Надеемся... Надо верить в лучшее, но вы должны понимать, что пока что вы не можете не только ходить.

– Я могу увидеть отца?

– Боюсь, что нет. Как я уже сказала, он в коме.

Часы, словно годы, потянулись бесконечно долго. Физические раны не так беспокоили, как душевная боль, которая не унималась ни на миг. Отец оставался в коме. Его состояние не менялось, и врачи осторожно готовили меня к тому, что рано или поздно его придется отключить от аппарата. Я рыдала не от боли, а от отчаяния и одиночества и еще – от осознания того, что могу остаться в этом мире совсем одна, без отца.

Потеряв счет времени, неподвижно лежала в постели. Я не могла не то что ходить, но даже голову повернуть была не в состоянии, ноги не слушались, я их совсем не чувствовала. Ничего не помогало – ни обезболивающее, ни успокаивающие, ни физиотерапия, ни сладкий голос медсестры. Приступы отчаяния с каждым разом все усиливались. «Возможно, больше никогда не смогу ходить, как тогда вообще жить? Одно утешение: нахожусь в здравом уме. Соображаю, но ничего не помню. Я одна в этом мире... Странно, что об отце

вспомнила. Может, кто-то помог вспомнить? Ну кому, кроме отца, я буду теперь нужна в инвалидном кресле?»

Надеясь отвлечься от мрачных предчувствий, я старалась изо всех сил воспроизвести в памяти тот день, когда произошла авария, о которой упомянули врачи. Но мысли об аварии тут же перебивала другая картина: я вылетаю из самолета... Хочу зацепиться за нее, чтобы вспомнить уже подробности падения из самолета, но очередная вспышка – и неведомая сила несет меня через быструю реку в горы... Безуспешно пытаюсь приостановить чехарду декораций, обессилив, я оставила это пустое копание в памяти, заставляющее вскипать и без того перегруженный запутанными и непонятными видениями мозг: так и с ума можно сойти, а мой разум – это единственное, что оставалось невредимым.

Отец

Профессор слышал все мысли своей дочери: они доносились откуда-то издалека, но казались неестественно громкими, с металлическим отзвуком, если так можно выразиться. Они, как и слова, были нечеткие, но он явно ощущал эмоции, страх и одиночество, которые исходили от Лены.

Виктор Дмитриевич вспоминал ту информацию, которую обретал и планомерно укладывал в своей голове во время неоднократных визитов в Хайдакхан. Именно благодаря известному в тех краях Шаману он получил истинные знания

за сравнительно короткий срок. В миру можно узнать лишь тысячную долю этих знаний, да и то – прожив долгую жизнь, а может, даже и не одну, и без остатка посвятив себя только науке. В Хайдакхане время течет по-другому. Это были незабываемые дни медитаций, благодаря которым он осознал, насколько безграничны человеческие возможности. Но сейчас, находясь в коме, что он мог сделать?

Сердце... «Как показать, что я не совсем овощ, что жив и все слышу и чувствую?» Сердце... Мониторы...

Сознание кружилось множеством цветов, линий, теней. Сердце... Оно должно биться. Сквозь пелену образов он услышал пронзительный звук аппарата. «Пип... пип... пип...» Кривая равномерно фиксировала биение сердца. «Надо дать знать». Виктор Дмитриевич сосредоточился на собственном сердце. Удар, еще удар, а теперь чаще. Зубец на мониторе подскочил. Раз, удар, снова. Затем звуки опять пропали, вокруг сгустилась тьма, а где-то в ее глубине искрились переливы света.

До него доносились мысли дочери – они были совсем близко, и он точно осознавал, что это – реальность. «Слышишь?» – отозвалось эхом в его сознании. Как дать понять, что он слышит? Сердце... Профессор снова ускорил сердцебиение.

«Ты меня слышишь?» – донесся издалека родной голос. Теперь профессор был уверен, что нашел связь с дочерью. Голос Лены становился все ярче, отчетливей. Он уже

улавливал отдельный смысл ее слов – высказанных не вслух, а мысленно. «Папа, мне тяжело, я ощущаю себя между реальностями, не чувствую почвы под ногами и ничего не могу вспомнить. Неведение о себе меня угнетает». Ее слова пугали, но в то же время обнадеживали: дочь жива, и он тоже пока еще жив, а раз так, то сделает все возможное и невозможное, чтобы вытащить ее из этой бездны. Она надеется на помощь. Надо не просто поддержать, а помочь справиться, дать импульс к жизни. Только бы успеть...

Укутанный в кому, мозг находился в поисках решения. Душа рвалась наружу, сознание хотело проснуться, но раненое тело не давало возможности вернуться в реальность. Запертый в материальной оболочке, Виктор Дмитриевич впадал в безнадёжие, метался в лабиринтах памяти. Иногда он забывал, что видит вовсе не реальность, иногда ему, наоборот, казалось, что это всего лишь воображение играет с ним злую шутку, а сам он спит и видит сон. А что, если Лена погибла и он всего лишь придумал себе, что общается с ней? Это пугало.

Он должен ее увидеть! Убедиться, что она жива и невредима, и заставить себя прожить еще хоть немного, пока не найдет выход!

И тут случилось необычное: профессор обнаружил себя посреди комнаты, хотя его тело по-прежнему находилось на больничной койке. Он почувствовал свободу, легкость, даже невесомость. «Может, уже умер? – присматрива-

ясь к лежащему „киборгу“, – подумал Виктор Дмитриевич. – Нет, еще жив... Кажется, это выход в то самое астральное измерение, о котором я упоминал в своих трудах. И это произошло со мной. В теории я знал многое о нем, но теперь вижу немного иначе... Напоминает то состояние, когда находишься в глубокой медитации»

Взглянув еще раз на свое «бесхозное» тело с воткнутыми в него трубками, он стал перемещаться вокруг него, дабы не потеряться и не оторваться от самого себя, то есть своего физического обличья.

Елена

Она лежала в кровати, обреченно глядя в потолок. Тени уходящего дня, как и лучи вечернего солнца, скользили по палате, пронизывая вазу с цветами, которая красовалась на тумбочке. Интересно, кто принес букет алых роз? Очевидно, тот, кто знает, что это ее любимые цветы. Она не помнит, какие были ее любимые цветы, но эти розы были прекрасны, а значит, любимы и в прошлом.

Стало практически темно. Здешние, неродные, сумерки – самое страшное, непонятное время суток, где рождаются тени – такие же чужие, кажущиеся ожившими.

Внезапно Лена ощутила движение где-то в углу комнаты. Нет, это было не движение, а едва уловимая пульсация энергии, дуновение ветерка, легкое давление. Сердце бешено за-

колотилось. Она, не отрываясь, смотрела в этот угол: почувдалась ли ей некая безликая сущность или то была просто тень? Явно начали проступать плавающие очертания человека, даже не по фигуре, а энергетически напоминающие ее отца.

«Нет, только не это!» – Лена часто заморгала, тщательно протерла глаза: он теперь всюду будет ей мерещиться... Обычно ей являются те, кого совсем недавно не стало или кто вот-вот уйдет из жизни... Дыхание сперло от ужаса. Тень качнулась и, казалось, придвинулась ближе. Тут вошла медсестра с лекарством и включила свет. Туманный силуэт отца исчез, и Лена с облегчением выдохнула.

Отец

Боль, которую испытывала дочь, передавалась профессору с трехкратной силой, и его сознание отчаянно искало способ помочь ей. Виктор Дмитриевич вдруг ясно понял, что сам он уже вряд ли вернется в реальность. Пусть так, но дорогу, горячо любимую дочь надо вывести из критического состояния, причем срочно! Сейчас, пока мозг еще жив. Но как?

Те далекие молчаливые уроки с Шаманом, у которого он учился медитации и концентрации, не прошли даром: невероятным усилием воли он появился в ее палате. Довольно долго смотрел на дочь, пока она каким-то неведомым совре-

менному городскому человеку чутьем не засекала его тень. Он двинулся к ней, хотел поддержать, обнять, сообщить, что он рядом, но она испугалась.

«Я должен ей помочь, сделать так, чтобы она ходила, жила, наслаждалась каждым новым днем. Я должен избавить ее от боли». И вдруг его осенило: Шаман! Конечно же, древний, но не стареющий всемогущий Шаман – вот кто сможет поставить ее на ноги! Шаман живет в сфере вездесущего Духа, и для него не существует расстояний. Он пытался наделить способностью оказываться в любом нужном месте и профессора, и тот, похоже, оказался способным учеником. Или это дело рук самого Шамана? Как бы то ни было, сознание профессора переместилось в далекий Хайдакхан, который на сей раз оказался совсем близко.

Шаман

Известный в тех краях Шаман-целитель и наставник сидит в излюбленной позе лотоса на краю скалы. Он догадывается, с какой целью к нему пожаловал сейчас Виктор. Он прощал ему желание разгадать тайну его невероятных способностей, так как увидел, что у него есть и другая цель, более глобальная: выйти на путь, ведущий к истине бытия. Но в силу своей природной и приобретенной профессиональной любознательности ученик не мог отказаться от соблазна попытаться исследовать мозг учителя.

– Ты меня видишь?

– Я чувствую твой нездоровый дух. Ты болен, ты здесь и не здесь, ты между мирами и очень слаб. Что привело тебя на этот раз?

– Моя дочь после аварии не может ходить, еще и память потеряла. Как ей помочь?

– Только ценой твоей жизни. Оставшейся у тебя энергии может не хватить на вас двоих. Если она выздоровеет, твоя душа покинет тело. Готов ли ты на это, Виктор? – спокойно спросил Шаман.

– Да, я готов! Что мне делать? – без раздумий выпалил профессор.

– Помоги мне переместить дочь сюда в Хайдакхан, я исцелю ее дух. А дух уже сам позаботится о своем теле. Но память к ней вернется не сразу, и далеко не все она сможет вспомнить. Не нужно ей лишнее знать. Как я вижу, в нее давно уже вселился бес. Изгнать его надо. Он покинет ее тело и заберет с собой то, что ей не принадлежит, – память и знания, благодаря которым она мечтает прославиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.